

DOI: 10.24412/2587-7844-2023-4-25-34

УДК 811.161.1

ОБРАЗ КНЯЗЯ В БЫЛИННОМ ТЕКСТЕ: АНАЛИЗ НОМИНАТИВНЫХ ФОРМУЛ

Т.В. Михайлова (Красноярск, Россия)

Аннотация

Постановка проблемы. Рассматриваются номинативные конструкции русских былин. Очевидно, что устная былинная традиция и традиции летописного текста опираются не только на различные мировоззренческие принципы, но и на пласты прошлого, а именно к более древним адресуются былинные тексты.

Цель исследования – проанализировать типичные номинативные формулы (номинации и атрибутивы), репрезентирующие образ князя в былинных текстах.

Материалом исследования выбраны публикации былин из собрания Кирши Данилова и С.И. Гуляева (Алтай).

Методика анализа основана на выявлении средств номинации князя в тексте.

Результаты исследования. В качестве типичных номинативных формул для репрезентации образа князя в былинных текстах выступают номинации и атрибутивы. Используются составные именованья, имеющие несколько элементов: *князь Владимир, ласковый князь Владимир* и т.п.

Автор приходит к *выводу*, что князь активен внутри собственного пространства, которое, по сути, является сакральным.

Ключевые слова: *структура номинаций, номинативные формулы, атрибутивы и номинации, русский былинный текст, образ князя.*

П*остановка проблемы.* В исследованиях, посвященных проблеме презентации верховного князя в былинных текстах, отмечается глубокая архаичность данного образа. Процедура поиска соответствий былинного князя князю летописному в различных научных школах, посвященных изучению текстов былин, приводит к неоднозначным результатам. На наш взгляд, так и должно быть, поскольку устная былинная традиция и зарождавшиеся традиции летописного текста опираются не только на различные мировоззренческие принципы, но и на пласты прошлого, что и доказывается в ряде исследований [Фроянов, Юдин, 1997].

Фольклорный текст является сложным сочетанием мифологических, исторических, социальных, этических представлений, выраженных по художественным законам, характерным для данного жанра и времени создания текста. Как известно, сложность фольклорного текста определяется еще и тем, что невозможно говорить о единстве системы представлений, отображенных в нем. Это связано с наличием «разностадиальных элементов», «разного уровня эволюции и неодинакового происхождения» [Путилов, 1994, с. 56].

Русский богатырский эпос, как любой героический эпос, формируется на этапе возникновения этнического самосознания, когда племенное самосознание сменяется этническим. Для этого периода характерен распад родовых отношений и смены племенных союзов раннегосударственными объединениями [Мелетинский, Неклюдов, Новик, 2021, с. 12].

Известно, что историческая школа изучения былин связывала их создание со временем расцвета Киевской Руси. Мифологическое направление создания былин относят к более раннему периоду. Еще в XIX столетии один из представителей мифологического направления русской фольклористики А.А. Котляревский утверждал, что «сказания о русских богатырях... создавались не в эпоху Владимира Святого: они были плодом всей предшествующей жизни народа, лебединой песнью народного творчества, питавшегося соками старинного предания... общими всего индоевропейского племени» [Цит. по: Баландин, 1989, с. 184].

Поскольку основной конфликт былинных текстов связан с защитой Русской Земли от врага богатырями и образ князя в былинах, как правило, не является основным, то именно это делает его наиболее «надежным» для анализа фоновых потестарных представлений, характерных для эпохи создания текстов данного жанра.

Обзор литературы. Номинативные формулы в именовании былинного князя. Исследователи языка фольклора не раз говорили о существовании в фольклорных текстах «более или менее стабильных языковых формул с идентичным содержанием», отмечая при этом фразеологическую спаянность многих лексем и синтаксических конструкций с «заданной экспрессией» и оценочностью [Оссовецкий, 1975, с. 72].

Нормативная поэтика фольклора предполагает использование постоянных номинаций и атрибутивов (эпитетов) для характеристики персонажа. В былинном тексте эти постоянные лексемы выражают определенную нормативно-идеальную оценку, оценку-формулу, закрепленную в процессе развития данного жанра. В ходе более чем столетних изысканий в области изучения языка фольклора и языка былин в частности исследователи обращают внимание на использование постоянных эпитетов как одно из основных средств типизации образов персонажей [Веселовский, 1989; Евгеньева, 1963; Селиванов, 1977; Ухов, 1957]. Постоянные эпитеты, или атрибутивы, являются важным элементом в номинативных формулах.

Понятие формульности фольклорного текста, собственно, и начиналось развиваться в фольклористике и в лингвистике на основе исследований о постоянных эпитетах. Устно-поэтические формулы мы понимаем «как средство выражения традиционного смысла, как результат многократного воспроизведения этого смысла и закрепления за ним наиболее адекватного языкового выражения» [Артеменко, 2001, с. 11]. Сравните также работу Г.И. Мальцева, посвященную обоснованию необходимости использования данного понятия при изучении фольклорных текстов [Мальцев, 1989]. Необходимо подчеркнуть, что закрепленность за формулами типизированных смыслов, выразивших коллективные мировоззренческие установки, делает исследования в этой области особенно актуальными.

Цель исследования – проанализировать типичные номинативные формулы (номинации и атрибутивы), репрезентирующие образ князя в былинных текстах.

Материалом для анализа служат былинные тексты, записи которых были сделаны на Урале и в Сибири. Они опубликованы в известных сборниках Кириши Данилова, а также (алтайские) в собрании И.С. Гуляева.

Методика анализа основана на выявлении средств номинации князя в тексте.

Результаты исследования. Далее рассмотрим типичные номинативные формулы (номинации и атрибутивы), репрезентирующие образ князя в былинных текстах.

Именованье для человека является важным и в современном мире, но для эпического времени «наименование представляет собой... абсолютную необходимость, связанную с глубинной сущностью человека» [Топорова, 1996, с. 6]. Когда же речь идет о наименовании древнего правителя, это становится особенно важным, поскольку архаическая модель мира предполагает идею прямого соответствия имени и его носителя [Топоров, 1980, с. 508–510].

Самым обычным способом презентации древнерусского князя в былинной поэме являются составные именованья из нескольких элементов: *князь Владимир, ласковый князь Владимир, Великий князь Владимир, ласковый государь князь Владимир, князь Владимир Солнышко Сеславьевич.*

Как нам представляется, наименования из трех элементов, построенные по модели «атрибутив + князь Владимир» (например, *ласковый князь Владимир*), можно отнести к одним из самых распространенных в былинных текстах:

Ко ласковому князю ко Владимиру [Илья Муромец. Первая поездка в Киев // БА, 1988, с. 37].

Или:

Поехал ко городу Киеву,
Ко ласкову князю Владимиру.

Он будет в городе Киеве,
Что у ласкова князя Владимира,

Среди двора княженецкого [Дюк Степанович // КД, 1938, с. 16–17].

Порядок слов в данной модели может меняться. Обычно имя собственное стоит в постпозиции по отношению к лексеме «князь», но может иногда занимать и препозицию:

И увидел *ласковый Владимир-князь* [Добрыня Никитич и отец его Никита Романович // БА, 1988, с. 72].

В былинных текстах наблюдается регулярная замена атрибутива «ласковый» на «великий» и менее регулярно – на атрибутивы «славный» и «стольный»:

Ко великому князю Владимиру [Дюк Степанович // КД, 1938, с. 16–17];
Что это за крепость во Киеве,

У великого князя Владимира! [Ставер боярин // КД, 1938, с. 87];

Они то ему поклонилися,

Великому князю Владимиру [Сорок калик со каликою // КД, 1938, с. 153];

А втапоры стольной Владимир князь

Не имел у себя стольников и чашников [Михайла Казаринин // КД, 1938, с. 139].

Очевидно, атрибутивы «великий» и «стольный» по своей семантике более близки к отображению социального статуса князя, хотя говорить о формировании княжеской титулатуры еще, видимо, рано. Кроме того, при анализе значения этих атрибутивов надо учитывать диффузность значения фольклорного слова [Никитина, 1997, с. 360–373; Хроленко, 2010, с. 25–60].

Интересно отметить, что с лексемой «стольный» появляется топонимический атрибутив «киевский». Это происходит в контекстах, связанных с ситуацией принятия посла (даже если и мнимого):

Говорил тут *Владимер стольной киевской*:

Гой ты еси, княгиня Апраксевна!

Я ли посла Василья проведаю –

Заставлю его из туга лука стрелять

Со своими могучими богатырями [Ставер боярин // КД, 1938, с. 90].

К анализируемым формулам иногда добавляются лексема «(го)сударь» в разных фонетических вариантах. Наименование строится по модели «атрибутив+ государь+ князь Владимир»:

У ласкова осударь князя Владимера [О женитьбе князя Владимера // КД, 1938, с. 60];

У ласкова осударь князя Владимера [Ставер боярин // КД, 1938, с. 87];

У славного сударь князя у Владимера [Три года Добрынюшка столичный // КД, 1938, с. 44].

Порядок слов и в этом случае не является постоянным, например, номинативная лексема «сударь» может находиться в пре- и постпозициях по отношению к атрибутивам:

Говорил он, сударь, *ласковой Владимер князь* таково слово [Три года Добрынюшка столичный // КД, 1938, с. 44];

У ласкова осударь князя Владимера [Ставер боярин // КД, с. 87].

Отчество «Сеславьевич» (или «Сеславьев») также можно отнести к частотным распространителям формульной номинации. Эта номинация используется совместно с лексемой «солнышко» или словосочетанием «красно солнышко», принадлежащими к семантической группе 'свет', давшей в индоевропейской традиции большое множество терминов власти (см., например, [Гамкрелидзе, Иванов, 1984, с. 790–792]; см. также работы о связи института полюдья и восприятия восточными славянами князя как воплощения Солнца [Колесов, 1986, с. 144; Фроянов, 1996, с. 458; Лисюченко, 2007, с. 15–21]).

Например:

Чтобы не увязывать до города до Киева,

До Солнышка до *Сеславьева* [Илья Муромец // БА, 1938, с. 33];

А скажите мне дорожку прямоезжую

Ко стольному городу ко Киеву.

Ко *ласкову князю Владимиру*,

Ко *солнышку* ко *Сеславьеву* [Илья Муромец // БА, 1938, с. 34].

У князя *Владимера*, у солнышка *Сеславьевича* [О женитьбе князя *Владимера* // КД, 1938, с. 68].

В позиции апеллятива могут добавляться термины родства, представленные лексемами «*батюшка*» и – редко – «*дядюшка*»:

Тот-то стала говорить княгиня:

Ты гой еси, *батюшка*, *Владимир-князь*! [Про Илью Муромца и царя *Калина* // БА, 1938, с. 46];

Сперва говорила *Забава Путятишна*: Гой еси мой, сударь, *дядюшка*, *Ласковой*, сударь, *Владимир князь* [Соловей Будимирович // КД, 1938, с. 8].

Термин родства в обращениях к князю обычно сочетается с местоимениями посессивной семантики «*наш*», «*мой*»:

Отошедши *Василий* поклоняется,

Говорит он таковы слова:

Ой ты гой еси, *наш батюшко*, *Владимир-князь* [*Добрыня Никитич* и *Василий Казимерской* // БА, 1938, с. 75].

Номинативная формула может быть достаточно распространенной и включать в себя одновременно 5–6 описанных выше элементов:

Говорит тут *Суханьша*, *Замантьев сын*:

«Ты гой еси, *батюшко*, *Володимер-князь*

Сеславьевич, *солнышко красное!*» [*Суханьша Замантьев* // БА, 1938, с. 106].

Составное наименование только из 2 элементов также является обычным способом презентации князя, и хотя оно используется и в начале былинного текста, все-таки чаще стоит в середине былины, когда князь *Владимир* – один из сюжетных элементов повествования, идущих друг за другом. При этом порядок слов в этой формуле, видимо, дополнительного значения не несет:

Встречу им-то *Владимер князь*, Ездит он за охотою, Стреляет гусей, белых лебедей, Перелетных малых уточек, Лисиц, зайцов всех поганивавт [*Сорок калик со каликами* // КД, 1938, с. 153];

И тут молодцы побратались,

Воротились назад ко князю *Владимиру*,

Идут они в палаты белокаменны [*Добрыня Никитич* и *Василий Казимерской* // БА, 1938, с. 75].

Этот тип номинации часто используется в контекстах, в которых князь действует как активный субъект:

А втапору *Владимер князь* он догадлив был,

Знает он, кого послать:

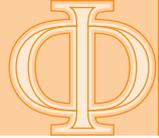
Послал он *Чурила Пленковича*

Выдавать платьнице женское цветное [О женитьбе князя *Владимера* // КД, 1938, с. 68];

Услыша о том, *Владимер князь*

Приказал сковать *Ставра боярина*,

На руки и на ноги железа ему,

Посадить его в погребы глубокие,
Затворять дверями железными,
Запирать накрепко замки булатными.
И *Владимер князь* посылал посла немилостивого
Ко Ставру боярину,

Чтоб двор его запечатати [Ставер боярин // КД, 1938, с. 88].

Наименование из 2 элементов появляется в прямой речи самого князя при ав-
тономинании:

На кого ты оставляешь стольный Киев-град,

На кого ты оставляешь меня, *князя Владимира*? [Добрыня Никитич и отец его
Никита Романович // БА, 1938, с. 63].

Следующий пример показывает, что в словах «автора» используется номина-
тивная формула из 3 элементов, а в словах самого князя – формула из 2 элементов:

Говорил он, сударь, *ласковой*

Владимер князь таково слово:

Гой еси вы, князи и бояра

И могучие богатыри!

Все вы в Киеве переженены,

Только я, *Владимер князь*, холост хожу [О женитьбе князя Владимира // КД,
1938, с. 61].

На наш взгляд, еще один возможный случай использования усеченной номи-
нативной формулы для наименования князя связан с контекстами, в которых бы-
линный князь представлен непочтительно, без эпического ореола:

И *Владимер князь* *окорачь* *наползался*,

И все тут могучие богатыри

Встают, как угорелые...

Плюнул Владимир князь,

сам прочь пошел... [Ставер боярин // КД, 1938, с. 92].

В таком же контексте используется наименование, состоящее из одной лексе-
мы «князь», – достаточно редкий случай для былинного текста:

А плюнул Князь, да и прочь пошел:

«Глупая княгиня, неразумная!

У те волосы долги, ум короток;

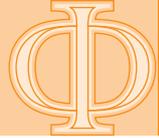
Называешь ты богатыря женщиною...» [Ставер боярин // КД, 1938, с. 91].

Таким образом, развернутые княжеские номинации связаны с одним из
основных модусов былинного текста – прославлением героев-богатырей, спо-
собствующих консолидации этноса. Отблески этой героики падают и на образ
князя. Именные формулы закрепляют идеальные представления о почти без-
деятельном, табуированном властителе, «ласковом» и «славном». В тех же слу-
чаях, когда в текстах эксплицируются конфликтные отношения между богаты-
рями и князем, показывающие, по мнению исследователей, рост новых соци-
альных сил, способствующих уходу в прошлое «власти князя родовых времен»
[Фроянов, Юдин, 1997, с. 32], именованья князя могут редуцироваться.

Выводы. В образе князя Владимира русский героический эпос зафиксировал архаический образ вождя. По мнению В.Я. Проппа, «идеализированный Владимир русского эпоса есть явление закономерное. Вокруг Владимира группируются богатыри – сам Владимир пассивен» [Пропп, 1999, с. 53]. Князь активен только внутри своего пространства, которое, по сути, является сакральным. Нахождение князя внутри гридни, приглашение богатырей и других гостей, «ласковая» совместная коммуникация, тесные родовые связи между пировавшими – все это было основой для закрепления постоянных номинаций и атрибутов в наименовании былинного князя. Как пишет А.С. Халилов, движение нехарактерно для древних образов князей в эпосах. Он отмечает лишь перемещения (да и то неудачные) князя Игоря в «Слове о полку Игореве». Князи же эпосов древности олицетворяли духовную высоту и нематериальную силу [Халилов, 2019, с. 70].

Библиографический список

1. Артеменко Е.Б. Фольклорное текстообразование и этнический менталитет // Традиционная культура. 2001. № 3. С. 11–17.
2. Баландин А.И. Мифологическая школа в русской фольклористике. М.: Наука, 1988. 224 с.
3. Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. 576 с.
4. Былины и песни Алтая. Из собрания С.И. Гуляева / сост. Ю.Л. Троицкий. Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1988. 392 с. (БА).
5. Веселовский А.Н. Историческая поэтика. М.: Высшая школа, 1989. 648 с.
6. Гамкредидзе Т.В., Иванов В.В. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры. Тбилиси: Изд-во Тбилисс. ун-та. 1984. Т. II. 1328 с.
7. Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым / подг. текста, ст. и комм. С.К. Шамбинаго. М.: Гос. изд-во художественной литературы, 1938. 311 с. (КД).
8. Евгеньева А.П. Очерки по языку русской устной поэзии в записях XVII–XX вв. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1963. 348 с.
9. Колесов В.В. Мир человека в слове Древней Руси. Л.: ЛГУ, 1986. 312 с.
10. Лисюченко И.В. Владимир Красно Солнышко и Илья Муромец: к истолкованию образов // ЭКО: Экология. Кругозор. Образование. 2007. № 1. С. 15–21.
11. Мальцев Г.И. Традиционные формулы русской народной необрядовой лирики. Л.: Наука, 1989. 165 с.
12. Мелетинский Е.М., Неклюдов С.Ю., Новик Е.С. Историческая поэтика фольклора: от архаики к классике. М.: РГГУ, 2021. 285 с.
13. Никитина С.Е. О многозначности, диффузии значений и синонимии в тезаурусе языка фольклора // Облик слова: сб. ст. памяти Дмитрия Николаевича Шмелева. М.: Русские словари, 1997. С. 360–373.
14. Оссоветский И.А. О языке русского традиционного фольклора // Вопросы языкознания. 1975. № 5. С. 66–77.

15. Пропп В.Я. Русский героический эпос. М.: Лабиринт, 1999. 640 с.
16. Путилов Б.Н. Фольклор и народная культура. СПб.: Наука, 1994. 235 с.
17. Селиванов Ф.М. Поэтика былин. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1977. 128 с.
18. Топоров В.Н. Имена // Мифы народов мира: в 2 т. М.: Советская Энциклопедия, 1980. Т. 1. С. 508–510.
19. Топорова Т.В. Культура в зеркале языка: древнегерманские двучленные имена собственные. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. 253 с.
20. Ухов П.Д. Типические места (loci communes) как средство паспортизации былин // Русский фольклор. Материалы и исследования. II. М.; Л.: АН СССР, 1957. С. 129–154.
21. Фроянов И.Я., Юдин Ю.И. Былинная история. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1997. 591 с.
22. Фроянов И.Я. Рабство и данничество у восточных славян. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1996. 512 с.
23. Халилов А.С. Структурно-типологический анализ образа героя в славянских и огузских эпосах // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова. Сер.: Эпосоведение. 2019. № 2 (14). С. 67–72. DOI: 10.25587/SVFU.2019.14.32181
24. Хроленко А.Т. Введение в лингвофольклористику: учеб. пособие. М.: Флинта; Наука, 2010. 191 с.

Сведения об авторе

Михайлова Татьяна Витальевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры общественных связей, Сибирский государственный университет науки и технологий им. акад. М.Ф. Решетнева (Красноярск); e-mail: ta.rada@mail.ru

DOI: 10.24412/2587-7844-2023-4-25-34

THE IMAGE OF THE RUSSIAN KNYAZ IN THE EPIC TEXT: ANALYSIS OF NOMINATIVE FORMULAS

T.V. Mikhaylova (Krasnoyarsk, Russia)

Abstract

Statement of the problem. The author considers nominative constructions of Russian epics in this work. It is obvious that the oral epic tradition and the traditions of the chronicle text are based not only on various ideological principles, but also on various layers of the past, namely, epic texts are addressed to the more ancient layers.

The purpose of the article is to analyze typical nominative formulas (nominations and attributes) representing the image of a knyaz (prince) in epic texts.

Research materials are publications of epics from the collection of Kirsha Danilov and from the collection of S.I. Gulyaev (Altai).

The methodology of the analysis is based on the identification of the means of knyaz nomination in the text.

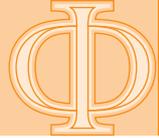
Research results. Nominations and attributes are typical nominative formulas for representing the image of a knyaz in epic texts. Compound names consisting of several elements are used: Knyaz Vladimir, affectionate Knyaz Vladimir, etc.

The author comes to the *conclusion* that *knyaz* is active inside his own space, which is essentially sacred.

Keywords: *structure of nominations, nominative formulas, attributes and nominations, Russian epic text, image of knyaz.*

References

1. Artemenko E.B. Folklore text formation and ethnic mentality // Traditional culture. 2001. No. 3. P. 11–17.
2. Ancient Russian poems collected by Kirsha Danilov / Preparation of the text, article and comments by S.K. Chambinago. Moscow: State. publishing house of fiction, 1938. 311 p. (KD in the text).
3. Balandin A.I. Mythological school in Russian folklore. Moscow: Nauka, 1988. 224 p.
4. Bulygina T.V., Shmelev A.D. Linguistic conceptualization of the world (based on Russian grammar). Moscow: School “Languages of Russian Culture”, 1997. 576 p.
5. Epics and songs of Altai. From the collection of S.I. Gulyaeva / Comp. Yu.L. Trinity. Barnaul: Alt. book publishing house, 1988. 392 p. (BA in the text).
6. Veselovsky A.N. Historical poetics. Moscow: Higher school, 1989. 648 p.
7. Gamkrelidze T.V., Ivanov V.V. Indo-European language and Indo-Europeans. Reconstruction and historical-typological analysis of proto-language and proto-culture. Tbilisi: Tbilisi University Publishing House, 1984. Vol. II. 1328 c.
8. Evgenieva A.P. Essays on the language of Russian oral poetry in records of the 17th–20th centuries. Moscow; Leningrad: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1963. 348 p.

9. Kolesov V.V. The world of man in the word of Ancient Rus'. Leningrad: Leningrad State University, 1986. 312 p.
10. Lisyuchenko I.V. Vladimir Krasno Solnyshko and Ilya Muromets: towards the interpretation of images // ECO: Ecology. Horizon. Education. 2007. No. 1. P. 15–21.
11. Maltsev G.I. Traditional formulas of Russian folk non-ritual lyrics. Leningrad: Nauka, 1989. 165 p.
12. Meletinsky E.M., Neklyudov S.Yu., Novik E.S. Historical poetics of folklore: from archaic to classic. Moscow: RSUH, 2021. 285 p.
13. Nikitina S.E. On polysemy, diffusion of meanings and synonymy in the thesaurus of the language of folklore // The Shape of the Word. Collection of articles in memory of Dmitry Nikolaevich Shmelev. Moscow: Russian dictionaries, 1997. P. 360–373.
14. Ossovetsky I.A. On the language of Russian traditional folklore // Questions of linguistics. 1975. No. 5. P. 66–77.
15. Propp V.Ya. Russian heroic epic. Moscow: Labyrinth, 1999. 640 p.
16. Putilov B.N. Folklore and folk culture. St. Petersburg: Nauka, 1994. 235 p.
17. Selivanov F.M. Poetics of epics, Moscow: Publishing house Mosk. Univ., 1977. 128 p.
18. Toporov V.N. Names // Myths of the peoples of the world: in 2 volumes. Moscow: Soviet Encyclopedia, 1980. Vol. 1. P. 508–510.
19. Toporova T.V. Culture in the mirror of language: ancient Germanic binomial proper names. Moscow: School “Languages of Russian Culture”, 1996. 253 p.
20. Ukhov P.D. Typical places (loci communes) as a means of certification of epics // Russian folklore. Materials and research. II. Moscow; Leningrad: USSR Academy of Sciences, 1957. P. 129–154.
21. Froyanov I.Ya. Slavery and tribute among the Eastern Slavs. St. Petersburg: St. Petersburg State University Publishing House, 1996. 512 p.
22. Froyanov I.Ya., Yudin Yu.I. Epic story. St. Petersburg: St. Petersburg State University Publishing House, 1997. 591 p.
23. Khalilov A.S. Structural and typological analysis of the image of the hero in Slavic and Oghuz epics // Bulletin of the North-Eastern Federal University named after M.K. Ammosova: Epic Studies Series. 2019. No. 2 (14). P. 67–72. DOI: 10.25587/SVFU.2019.14.32181
24. Khrolenko A.T. Introduction to linguo-folkloristics: textbook. Moscow: Flint; Science, 2010. 191 p.

About the author

Mikhaylova, Tatiana Vitalyevna – PhD (Philology), Associate Professor, Public Relations Department, Reshetnev Siberian State University of Science and Technology (Krasnoyarsk, Russia); e-mail: ta.rada@mail.ru